

Человек и мир

УДК 008(470+571)

Планетарный мир стремительно меняется, меняется и человек. Сегодня, во время глобального освоения мира и глобализации самого человека, остро встает вопрос о судьбе человека и будущем мира. Актуален вопрос и о судьбе локальных – этнонациональных – миров. Автор, будучи человеком русским, размышляет о судьбе Русского мира, никак не желая ни ему, ни другим этнонациональным мирам исчезновения.

Ключевые слова

Человек, мир, глобализация, этнос, нация, глокализация, Россия, Русский мир, историософия, геополитика, геостратегия, этнология, культурология.

Действительным достоянием человека, отличающим его от любой вещи и любого животного, как и любого, кроме божественного, контекста, является, если прибегнуть к русскому языку и русской ментальной культуре, не что иное, как *сознание*, которое есть не столько собственно сознание, сколько осознание — себя (человека, включая и само его сознание), а также всего другого, сознанием опосредуемого. Сознание — вот отличительная особенность че-

тении, сидят не где-нибудь, а в сознании — как в мириадах индивидуальных сознаний, так и в нескончаемом числе социосознаний. Все эти сознания составляют некую идейно-духовную сферу сознания, обладающую некоторой самостью, или иначе — *ноосферу*.

Говоря «человек», человек подразумевает себя — *человека!* Человек это знает, хотя знает он только *идею* человека, в нем каким-то образом застрявшую.

ции, фантазии, Господа Бога, ангелов, демонов, дьявола, сатану. Мир, если это именно *мир*, — что-то непременно очеловеченное, а лучше сказать — осознанное, обо-*слов*-ленное. Нет человека — нет мира, но и человека нет без мира, так сказать — *его* — человека — мира, пусть ему — человеку — и кем-то (чем-то) данного (предоставленного), но человеком все-таки воспринятого, принятого, освоенного (сделанного *своим*). Человек и мир — нераздельны!

Человек — скопище «человеков», которое ни представить, ни уловить, ни описать.

Человек, конечно, совершенно прав в этой идее, почитая ее за истину, но кто ж из смертных знает, что такое на самом-то деле человек, если человек не более чем *идея* человека! Однако другого выхода у человека нет: «человек» — это *человек*, — и все тут! Само слово тут и есть истина... И вот с такой неистинной, от которой человеку деться некуда, а потому приходится ему с ней бытовать, жить, быть — без слова-имени человеку никак нельзя, а потому сознание со словами-именами дружит как с непрерываемой истиной, но и с немалым при этом риском, ибо в каждом слове сидит и неистина, а то и попросту ложь, что заставляет сознание постоянно сомневаться, колебаться, вилять, как бы сидя на смысловых качелях, а не на жестком знанием стуле.

Что такое мир? Кто ж из человек это знает? Контекст, территория, население, пространство, природа — и все это вместе с культурой, сооружениями, техникой, словесами, но еще и с чем-то невидимым, включая духов, призраков, а также иллюзии, видения, галлюцина-

Человек вместе со своим сознанием сложен, многообразен, полифункционален, — это не только система и целостность (целое из частей), не просто организм — это сразу множество человек, сразу целый набор человек, включая и идеальных, духовных, эфирных, призрачных. Человек — скопище «человеков», которое ни представить, ни уловить, ни описать. Страшно разбираться в человеке, еще страшнее иметь с ним дело, но зато... как же интересно! — до поры, конечно! Но и мир человеческий непрост — он тоже ведь скопище миров, в котором тоже просто так не разобраться. Вот и выходит, что скопище тут на скопище, а в итоге — полная неразбериха, хорошо если калейдоскоп, а то ведь и полная синергетика: из хаоса в хаос... через какой-то там промежуточный порядок! Человек и мир: хаос на хаос, порядок на порядок, ну и порядок против хаоса, а вот хаос всегда за порядок, ибо без хаоса ведь никакого в мире порядка!

Человек — творец порядка, но и беспорядка тоже. Вот чего че-

ловека! Это также возможность иметь в своем распоряжении идеальный, или воображенный, мир, размещенный прямо в человеке, его сознании: с одной стороны, отражающий все вокруг, включая самого человека, его сознание, а с другой — состоящий лишь из самого себя, или совершенно человеком воображенный. Оба мира (отраженный и воображенный), находящиеся в тесном перепле-

Автор

Осипов Юрий Михайлович — президент Академии философии хозяйства, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН.

ловек не творец, так это перво-зданного хаоса, во всяком случае — пока! Хаос ведь не просто так в мире наличествует, он тоже ведь творение и тоже от Всевышнего (того же Великого Неизвестного). Человек тут совершенно ни при чем! Разрушая порядок и наводя беспорядок, человек не создает при этом никакого творческого хаоса, из которого бы выросал новый порядок, он лишь способен достичь полного ничто, которое только ничтожится и только ничтожит. Человек и мир, человек и порядок, человек и беспорядок! Но при условии, что и сам человек не только порядок, но и хаос — однако где же этот хаос в человеке? Совершенно верно, именно там — в сознании! Вот где хаос, так хаос! Но постоянно переходящий в порядок, разумеется, очень разный и стремительно меняющийся. Сейчас один, тотчас другой, потом — третий. Все тут непрерывно возникает, играет, переливается, мечется, изменяется. Вне времени ведь и вне пространства!

Человек и мир! Все тут очень не просто! Еще и очень даже неизвестно! Хотя многое вроде бы человеку ведомо. Остановимся на «фифти-фифти»: сколь ведомо, столь и неведомо. Человек и мир: что же это такое? Не имея возможности дать полноценного ответа (увы, не энциклопедисты мы, как и не богословы), остановимся просто на радости находиться во вполне враждебном для себя мире: неопределенном, непонятном, неизвестном, опасном, несносном, почти что «бессовестном». Отсюда и радость познания такого вот дружески нам постороннего мира, его именования, отображения, контакта с ним, борьбы с ним, воображения чего-то иного, переделывания мира, в общем — бытия и жизни, жизни и хозяйства, хозяйства и бытия, бытия и... небытия тоже! С миром совсем не сладко, но и без мира никак нельзя. Обреченность! В том числе и на

взаимность. Бегство от мира — иллюзия, в том числе и монашеская. Укрыться чуть-чуть можно, но вот сбежать — никак! А вот надо ли? Если мочи нет, то, разумеется, приходится бежать, пусть и иллюзорно, то бишь не убегая, но... с миром все-таки надо, с миром! Человек и мир по сути одно и то же: *человек-мир* и *мир-человек*.

Человек — творец порядка и беспорядка. Разрушая порядок и наводя беспорядок, человек не создает при этом никакого творческого хаоса, из которого бы выросал новый порядок, он лишь способен достичь полного ничто, которое только ничтожится и ничтожит.

Каждый явившийся в мир человек застает тот мир, который как раз и застает его — явившегося человека! Сначала идет освоение мира возникшей в мире особью, как и наоборот — освоение миром возникшей в нем особи; потом идет всестороннее осознание явившейся особью окружающего мира, сопровождаемое и обмированием особи миром; наступает момент и выяснения отношений — между особью и миром, как и миром с особью; ну а после всего этого — какое-то между особью и миром взаимодействие. Либо особь признает особый вокруг нее мир (мир из миров), либо не признает; либо приспосабливается к окружающему миру (миру из миров), либо ему противостоит, как и что-то с ним делает: перестраивает, улучшает, разрушает, ухудшает, либо от него бежит — попросту в другой мир (мир из миров, пусть и довольно худой).

Я *русский*, а потому меня как русского более всего интересует не вообще мир (мир из множеств миров), а мир именно русский — *Русский мир*, которого по науке — объективной,

фактологической и точной — вроде бы и нет, во всяком случае наука его не видит — по своей, видимо, великой прозорливости, но вот ненаучные люди его почему-то замечают, о нем говорят, за него ратуют, хоть и не все, кто себя называет русским, но замечают, причем более всего даже нерусские люди — что дружественные, что

враждебные, причем из-за кордона тоже — из тех же бывших советских республик, особенно «братских», как и издали, даже из-за безграничного океана. Выходит, что либо Русского мира нет, либо он есть, но... как бы при этом и мир *никакой*, хотя существует вроде бы русский язык, русская культура, русская — пусть также и российская — цивилизация, такая же государственность, опять же русский характер (конечно же дрянной), русский менталитет (разумеется, дурной), русское поведение (совершенно, конечно, отвратное). Если Русский мир все-таки есть, то как что-то более inferнальное, чем благородное, и ежели есть в нем что-то «хорошее», то конечно же от навязанной ему европейскости. И беда здесь в том, что Русский мир никак не станет вполне европейским, включая не одну только религию, но и, к примеру, тот же алфавит (очень уж варварский). В общем, Русский мир, может, и есть, но, во-первых, неправильный, нехороший, плохой, а во-вторых, его попросту нет и не должно быть, и чем быстрее он нас всем исчезнет, тем для окружа-

ющих миров будет лучше, ежели он все-таки есть [1].

А мне почему-то Русский мир дорог! Во-первых, я как человеческая особь прямо из *этого* мира; во-вторых, это, безусловно, *мой* мир; в-третьих, никакой другой мир мне *не нужен*, но не потому, что мой мир лучше других — этнонациональных — миров, а потому, что я в своем мире как рыба в воде — это раз; Русский мир признает меня за своего, что немаловажно, — это два; мне не надо ни к чему чужому приспособляться — это три; я на своей земле — это четыре; я среди *таких же*, как я, — это пять. Однако это не все: в родном Русском мире, и только в нем, я могу мыслить и творить, причем так, как я хочу и как мне подсказывает мой родной мир: сложный, переливчатый, многомерный, загадочный. Какой из миров более трансцендентен, метафизичен и софичен, чем наш, русский? Русский мир — не просто достояние Земли, человечества, всего мира, космоса, это еще и особого рода вселенское достояние, как и, не забудем, мое личное достояние тоже. И особенность этого достояния состоит в удивительном схождении Русского мира с Христом, Софией, Библией, Иоанновым «Откровением», хотя и ничего ведь еще не разрешилось, но, кажется, потихоньку и в то же время громоподобно разрешается — как раз в России, в этой воистину странной, хотя и по своему страшной стране!

Земной мир — мир из миров, но и *мир миров*. И любой человек оказывается в куце миров, среди миров, между мирами, в мирах. Какой-то из миров бывает тому или иному человеку исходным, первичным, родным. А жизнь распоряжается человеческой судьбой, часто и вместе с самим человеком, по жизни идущим, по-разному: кто-то бытует всю жизнь в родном мире; кто-то меняет миры, а кого-то уже сами

миры меняют; кто-то старается прожить сразу в сонме миров, переходя из мира в мир, блуждая по свету. Люди так или иначе делятся на тех, кто держит миры, прежде всего родные, и на тех, кто миры меняет, а то и пытается удержаться в некоем надмире, или сверхмире, расположенном над родными и прочими устойчивыми мирами, воображая себя особью сверхэтнической, или наднациональной, — космополитической, глобальной, планетарной, забывая, что таковой ей удастся быть вследствие наличия реальных этнонациональных миров, свойственных им культур и цивилизаций, как раз тех самых миров, которые она вроде бы отрицает, но при этом с неизбежностью... предполагает.

Ныне, в эпоху высочайшей предметной производительности, усиливается надмир, или сверхмир, сам по себе ничего путного, надежного и жизненного не создающий, он только по-

сердно этим мирам, их обедняя и опустошая, стандартизируя, механизуя, обескровливая. Трудно придумать сегодня что-либо более несусветное, ужасное и жалкое, чем общеземельный кочевник с мобильником, айфоном и навигатором в руках, включая и прилипчивые к ушам наушники. Паразитируя на оседлых мирах, высасывая из них соки (в денежных знаках), такой мировой кочевник не может ничего предложить человечеству, кроме его — человечества — самоликвидации и самоубийства. Где семьи, где родители, где дети, где роды, где ценности, где земля, где родное, где отеческое, где предки, где потомки, где родные могилы? Кажется, что это все уже устарело и не нужно, что человек свободен ото всего этого и всего ему подобного, что человек уже не на Земле, а в космосе, пусть еще и приземном, но все-таки в космосе (отсюда и космополитизм). Однако достаточно представить себе, что будет с человечеством, ежели оно будет

состоять из одних кочевников-космополитов — однообразных, скучных, высушенных, пустых! Неужели кос-

требляет и потребляет, причем создаваемое не кем-нибудь, а как раз *все-еще-мирами*. Ну и вредит немилос-

мосу и впрямь потребны все эти сверхчеловеческие маргиналы, они же и какие-то уже неземные призраки?

Вряд ли стоит отрицать, что речь у нас идет не о мире — пусть и новом мире, а об антимире — *новом антимире!* Да, самый передовой, прогрессивный и современный мир на Земле — не что иное, как *новый антимир!* Это уже не просто апокалиптический мир: там уже нечему падать в апокалипсис. Такой мир — вне земной апокалиптики, вне всего характеристического и оценочного, всего того, что выработано умным, идейным и духовным человечеством. Это ведь надо еще осознать — *антимир!* Да еще и *новый!* Это, безусловно, *иной* мир, но с отрицательным, хотя и очень прельстительным знаком. Да, это последний мир, он же и пир, но это не древний Вальтасаров пир, ибо это уже не пир как таковой, а лишь его подобие, но проклятые слова уже нарисовались на будто бы безоблачном космополитическом небе: «Взвешен и найден легким!» [2].

Здесь нет никакого поэтического преувеличения: передовой мир и в самом деле неестественно легкий, ибо он совершенно искусствен, и все небывалые потребительские и даже исследовательские возможности, которые он дает своим, уже тоже наполовину искусственным адептам, — всего лишь возможности неосознаваемого, не слишком даже волнительного, но весьма скорого *самоисчезновения!* И это суждение ничему, кроме текущей реальности, не обязано: ни социологии, ни антропологии, ни даже философии как таковой, ибо это уже никакая не тайна, а обыкновенный и очень даже обыденный — до отвращения! — факт. И ежели адепты этого мира ничего *такого* не замечают, то, во-первых, это их дело, а во-вторых, тем для них и лучше: на миру ведь — уже планетарном! — и *такая* кончи-

на красна! Хотелось бы увидеть в космосе новую, с обновленной не только кожей, но и душой, жизнь, полную энергии, страсти, ума, живительного чародейства, наконец, что-то вроде *Нового Ренессанса.* Но, увы, нет там никакого Ренессанса, а есть лишь один декаданс! И не устремлен ли этот декаданс навстречу своему законному братцу — Ренессансу, который уже прошелся по Европе, развязав на всякий случай не одну мировую войну — жестко и тоталитарно?

Человек, причем любой — обыкновенный, оригинальный, талантливый, управляющий и управляемый, — ищет себе место под солнцем, если не довольствуется тем местом, на котором он встретил Солнце при своем рождении, либо же само Солнце его застает на этом месте рождения. Обычный человек либо признает доставшийся ему по рождению мир, либо уходит в другой мир, кажущийся ему более подходящим. Сильный человек (талант, гений, титан) способен поучаствовать в строительстве *своего* мира, навязываемого так или иначе человечеству. Однако есть и иные свои миры, а именно миры, суть которых связана с родовыми (в широком смысле) корнями, бытийной историей, людской полнотой и с людскими же особенностями (расовыми, региональными, этническими), особой идейной начинкой, с преданиями, идеологией, религией, вообще с мировоззрением, с эффективным единением (с непременным различием «свой» — «чужой»), с общественным (коллективным) сознанием, с единым языком, общими культурой, цивилизацией и государством, с ограниченным и ограничительным странством. «Свой мир» в таком случае — мир родной, мир по принадлежности, мир по существу (по номену, по эгрегору, по ноосфере, по метафизису).

Таких «своих миров» немало, множество, как велико и множество их — этих миров — адептов. Ренессансная цивилизация говорит в таких случаях об этносах, народах, национальностях, нациях. Однако современная передовая цивилизация старается об этих «икринках» забыть, поменьше о них говорить и сводить всех жителей планеты к лишенным «родовых пятен» *общечеловекам*. И не только не говорить, но и старательно все эти родовые своеобразия затирают. Отсюда и принципиальный конфликт: между новейшей *общемироочеловековостью* и якобы устаревшей *разномаширо-человечностью* (тут приходится просить у читателя прощения за вполне вынужденное употребление неудобоваримых словечек).

Каждый *своемир* волен поступать по-своему: оставаться собою, не оставаться, саморастворяться в мир-ничто, растворяться в другом мире-ничто, но мы замечаем, что, исключая мировых передовиков-прогрессистов, превращаться в мир-ничто или растворяться в другом мире-ничто многие из миров не сильно-то хотят, а может, и вообще ничего подобного не хотят. Свой мир, о котором здесь речь, — не что иное, как выживательно-спасительно-бытийный *ковчег*, позволяющий не просто быть, а быть еще и... ЧЕЛОВЕКОМ, ибо без пребывания в своем мире нет не просто такого-то и такого-то человека, а и вообще человека, вместо которого является, как ни крути, уже *постчеловек*, если не *нечеловек* — какое-то уже совсем другое существо.

Однако, коли я сам лично остаюсь в своем мире (в своем мире, или в родном мире) — *Русском мире*, то мне бы хотелось как-то высказаться по этому поводу, акцентируя внимание не на своем собственном выборе, а на связи «русский человек — Русский мир», вытекающей из отношения «человек — мир (мир

вообще)». Я не собираюсь доказывать, что я русский (не по национальности, как принято в обыденности, и не по душе, как принято в «изящных кругах», а... по сути — кровной, родительской, поколенческой, исторической, генотипической, самоощущительской). Честно говоря, мне все равно, кто и что об этом думает (не обо мне, а о моей русскости). Я, будучи русским, признаю существование *Русского мира* (хотя сам по себе Русский мир ни в каком моем признании не нуждается: был, есть и будет!). Я русский, и хочу не просто оставаться русским, но и *быть* русским. И это несмотря на то, что

национальными, либо вообще всемирными, что означает уже и... *никакими*. Однолика Европа, однородная Америка, однообразный передовой мир! Замечательно! Но вот почему-то мне, русскому человеку, это совсем не нравится, во всяком случае — *все-еще-русскому-все-еще-человеку!* Итак, первое: оставаться и быть в Русском мире — оставаться и быть человеком! Уже хорошо! Теперь второе: каким же человеком, ежели все-таки русским? Непростой вопрос, но ответить на него можно и просто: «*Русским!*». Русский — значит, не китайский, не арабский, не английский, не польский,

Обычный человек — оригинальный, талантливый, обыкновенный, управляющий, управляемый — либо признает доставшийся ему по рождению мир, либо уходит в другой мир, кажущийся ему более подходящим.

русский человек уже не первый век широко и тяжело осуждаем, критикуем, «поливаем», отрицаем, хотя, разумеется, случаются о русском человеке и другие, в том числе и прямо противоположные, суждения. Оговорюсь сразу: я не выступаю штатным адвокатом Русского мира (ни в чем, кстати, не «переубеждо» никого из русофобов), а лишь хочу на примере русского человека разобраться в меру сил в очень сложной проблеме, человечество так или иначе ныне особенно захватившей: *человек и мир* [3].

Нужно ли мне сегодня настаивать на своей русскости и своей принадлежности к Русскому миру? Это как раз во времена, когда передовой (евроамериканский) мир не без определенного восторга отказывается от этнонациональных идентичностей, заменяя их либо большими региональными (Европа, США), то есть как бы надэтно-

даже и не украинский, а на данный исторический момент — духовно и ментально *свободный*, хотя далеко не все реальные русские еще это сознают, этому радуются и этим, скажем так, пользуются.

О русскости можно много говорить, но главное для сегодняшнего момента, что русский хоть и барахтается в мировых сетях, но не настолько в них увяз, чтобы не быть способным к *собственной импровизации*. Только русскому ныне дозволено Господом свободно импровизировать. А почему? А потому, что русскому ничего из земного не чуждо, но при этом и не особенно дорого: русскому потребно иное, или *иномирное*, чего нет на Земле и быть не может, оттого русский и самый свободный импровизатор в мире, освободившийся или же освобождающийся от всякого иноплеменного морока, а сегодня вот от морока глобалического.

Все народы знают, почему и для чего они на Земле: только русский народ почему-то этого не знает! Вот это-то незнание мне особенно дорого: трансцендентный народец эти русские — непонятные, невнятные, непредсказуемые и... никак не программируемые — в особенности умными, всезнающими и изобретательными инородными ваятелями. Господь Бог запретил русским всерьез и окончательно определяться, они нужны ему. Нет, не стихийные вовсе, не спонтанные, не анархические, а открытые для импровизации, свободные для выбора, готовые к любой неожиданности, включая и сам, знаете ли, Страшный Суд! И с чего вдруг мне отказываться от Русского мира, в котором интересно не от порядка особого, как повсюду, хотя и не от его отсутствия, а всего лишь от его *невсевластия*, хотя в стране возможны и деспотия, и автократия, и диктатура, но до некоторого предела, устанавливаемого не чем-нибудь, а русским *не-умом*, сопряжен-

вать, ни красоваться. Единственная амбиция у Русского мира — оставаться *русским!*

Но одно дело предпочитать родной мир, а для данного вовсе маргинального случая — Русский, и совсем другое дело его — этот мир — для себя иметь. Оказывается, что как раз и открывается от поколения к поколению, что родной мир надо не просто иметь и воспроизводить, но и защищать, да не от явного внешнего врага, что понятно, а от всего покушающегося на русскость *противамира*, включая и свой внутренний. А закавыка здесь в том, что Русский мир не может не быть промыслительно снабжен *антирусскостью* — как тот же, к примеру, христианский мир антихристом. Так что где русскость, молча себя реализующая, там и антирусскость, громгласно эту русскость поносящая. Борьба тут на всех фронтах, разумеется, не без Господней помощи! У Господа ведь свой замысел относительно Русского мира,

тельных целях в мировых геостратегических играх. К счастью, мир мой Русский и сам является *имперским*, правда, не внешне имперским, а внутренне имперским — для самого себя! Это и позволяет ему быть, держаться и надеяться на будущее, конечно, при наличии и с учетом мощного военно-оборонного комплекса, которым он, слава богу, располагает [4].

Где русскость, молча себя реализующая, там и антирусскость, громгласно эту русскость поносящая.

ным с таинственной русской душой, а если чуть иначе — русским *мета-сознанием*, которое, собственно, и есть *ино-сознание*. Итак, Русский мир — *иномир*, он же и *метамир*, еще и *мир-неудачник*, хотя и бытующий не одно тысячелетие и распростертый на самое большое в мире пространство. Как, почему, за что всему миру земному такая кара — мир-неудачник с такой еще бытийно-исторической удачей? Все дело тут в непрестанной незаконченности Русского мира, в его нежелании достигать совершенства, после которого уже только одна дорога — на внеисторический погост. Не хочет Русский мир уходить с исторической сцены, хотя и не хочет на ней ни господствовать, ни учительство-

и он, видать, не желает русским ни покоя, ни благополучия, ни мирского счастья, а чаёт чего-то *другого*, доставляя китайцам — китайское, германцам — германское, американцам — американское, а вот для русских сберегая *русское* — как раз то самое, которое вовсе и не русское, а попросту иное, о чем сказать ничего путного и нельзя. Господь — великий конспиратор! Таким-то недоделанным и непокорным миром сегодня, как, собственно, и прежде, является, в частности, мой родной Русский мир, не дающий покоя имперцам.

Вот и оказался мой Русский мир перед необходимостью самостоятельного, самосохранения и вынужденного участия в охранении

Ныне российский мир, освобождаясь уже от заокеанского глобализационного наваждения и «кризисного управления» извне, выходит на свой *собственный путь*, не балуясь пока никакой специфической идеологией, а питаясь лишь духом своим коренным да инстинктом генотипическим; ориентируясь на такие указатели-символы, как Святая Русь, Москва, Великая держава, Империя, Родина, Отчизна, Россия (многонациональная, народосемейственная); опираясь на такие основания, как русский язык, русская культура, историческая память (русский народ знает «бессознательно» свою историю лучше и точнее, чем мириады профессиональных и всесторонне вроде бы обученных историков). Русский мир сегодня вновь поднимается к самому себе, осматриваясь по сторонам и стряхивая с себя шелуху внешних «рекомендаций» и «доброволь-

ных» заимствований, а все потому, что мир Русский, а вместе с ним и весь *российский мир, альтернативен* мирам-господам и, самое неприятное, альтернативен вовсе не как другой, всего лишь конкурирующий с ними, мир-господин, а как *мир-человек*, чающий еще и *мира иного!* В общем, *мир-гнус, мир-мерзавец, мир-сопротивленец!*

Что ж, можно покинуть Русский мир, перебежав в другие миры, кстати, более внешне комфортабельные, а можно оставаться в Русском мире, переживая вместе с ним драму его бытия, восхождения и движения в будущее, да не просто переживая, а и участвуя в этом метаисторическом, многоходовом и турбулентном действе, если не в самой настоящей мегаисторической мистереии. *Русская мистерия* разворачивается: один ее акт сменяет другой, одни действующие лица сменяют другие, один сценический провал следует за другим, один победный взлет добавляется к другому. Сегодня в России большой кризис — *кризис России и кризис Русского мира*, и новое движение России к России так или иначе обусловлено этим большим кризисом, его преодолением. Как же? Через *системное перестроение; мобилизацию созидательных сил, интеллекта, ресурсов; через новое управление процессами, поведе-*

нием, бытийными параметрами, то есть через *неодирижизм*. И иного варианта у России попросту нет!

Однако мало кто сегодня в самой России верит в новый самостоятельный подъем России, лишь единицы в этом убеждены, среди которых и автор этих строк (возможно, что и вообще единственный в кругах «интеллектуалов» университетского образца). Все «умники» предпочитают «критику» и нытье, эту отвратную привычку многих так называемых русских. Впечатление, что только Верховный бьется за страну, а все остальные «граждане» лишь смотрят на то, как это у него получится, осуждая его втихомолку за причиняемые неудобства и потери, ожидая почему-то и его неминуемого краха. Вот это у нас называется сегодня «гражданским поведением»: роптать, нудить, округлять сонные от глобализационного забытья и разинутые от надвигающегося апокалиптического ужаса глаза. Не хотят даже за себя постоять: за те же образование, науку, за философию, политическую экономию, историю, за тот же славный университет. Ничего не хотят, кроме покоя, благодати да изобилия!

Но «жизнь», к счастью или несчастью, так устроена, что она менее всего считается с пожеланиями «граждан» и мало со-

ответствует «мнениям» умных-де элитариев. Будет то, что будет! И ежели не хотим за мир свой родной постоять, заодно его основательно подысправив, то окажемся в другом мире, расставаясь со своими обычаями и привычками, — зачем это внешнему «кризисному управляющему» считаться с аборигенами и их архаическими наклонностями, ибо за этим все-таки признание коренного насельничества и традиционной особенности, чего, конечно, победившая цивилизация никак не допустит. А ведь таинственные обстоятельства еще своего слова не сказали! На очереди не упадок РФ, как было в 1970–1980-е с тем же СССР, а ее, этой несчастной ЭрЭФии, подъем, который должен обязательно возыметь место, хотя может и не произойти — вместе уже с концом РФ и полной агонией русско-российского мира.

И вот тут вопрос: приведут ли обстоятельства к реальным в пользу России переменам, причем вопреки желанию-нежеланию многих (слишком многих!) так называемых россиян (об откровенной и убежденной антиРоссии мы тут не говорим)? О-о, как на это ответить, ежели нельзя ни «да» сказать, ни «нет»! И все-таки решусь на прогноз: впереди все-таки не покой, а *большая перемена*, причем не только в Рос-

сии, но и повсюду в мире. Ничего из благополучно и почти безмятежно ныне бытующего не останется! А почему? А потому что все это чересчур аномально, безмерно и бесчеловечно. Либо миру этому конец, либо — *преображение!* В любом случае — *приговор*: «Мене, мене, текед, упарсин», что почти то же, что: «Оценен, братец, и найден слишком уж уродливым»!

Теперь война — *война миров*, а не цивилизаций, как и война мира и антимира [5]! И лучше бы России побыстрее перемениться в русско-российскую страну, а то ведь и «Украиной» можно стать, не заметив как. Украинское происшествие — противостественное чудо XXI в.! Весь мир уже оснащается, понимаешь ли, космополитическими землянами (общечеловеками), а украинцы в облике «укров» вдруг украинцами-де захотели стать, — это в Европе-то, в которую они большим народным скопом, называемым нынче Майданом, стремглав устремились. В Европе, точнее в ЕвроАмерике, никаких украинцев, а уж

тем более «укров», не ждут, там даже просто землян с Украины не ждут. Роковое заблуждение этнонациональной Украины — в недопонимании необходимости собственного развития

У России сейчас великий шанс выйти к России. Не ныть сегодня надо, не роптать, а за дело всем браться.

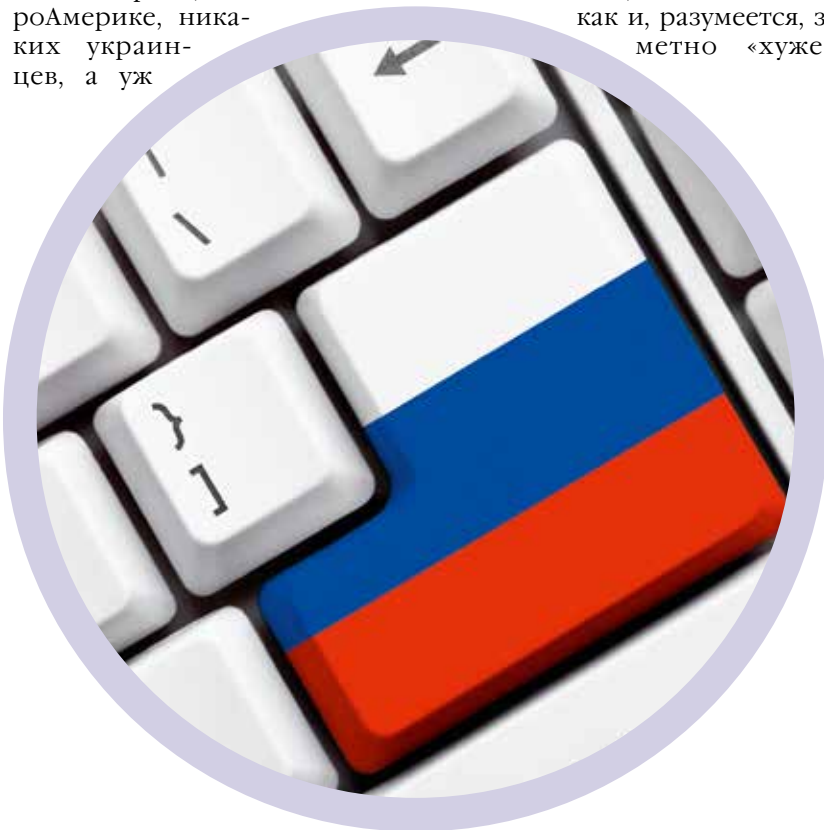
в единении с Русским миром, благодаря которому были и есть украинцы с Украиной и в борьбе с которым Украина и украинцы просто исчезнут. Это русские с россиянами признавали и признают Украину с украинцами, обеспечив возникновение украинской государственности. А теперь «укры» остались один на один с ЕвроАмерикой, для которой они как «укры» просто не существуют.

Благодаря воистину чудесному украинскому антироссийству россияне вдруг вспомнили, что они и в самом деле русские — дрянные, конечно, но *русские!* Что поделать, не ангелы вовсе, как и, разумеется, заметно «хуже»

многих, почти всех насельников планеты Земля, но Америки, той еще, индейской, не грабили, аборигенов там не уничтожали, черных рабов миллионами из Африки не завозили,

капиталами своими ни Европу, ни Азию, ни Америку не наполняли, войны мировые не разжигали, этногеноцидом не занимались, народам разным помогали, окраины развивали, оставших поддерживали, а если кого и «обрусевали», то все-таки не настолько, чтобы отменять насовсем их этноидентичность. Ну уж о культуре русской и цивилизации соответствующей мы тут помолчим — у кого еще такие литература, музыка, художества, философия, наука, театр, кино, балет, песни, наконец? А космос, разве он не русский, пусть и совсем недавно в советской упаковке? А удивительное плановое хозяйство?! А особая, без тотального господства денег, вполне эффективная финансовая система?! Скажут: все равно ведь проиграли со всем своим «оригинальством», а мы на это ответим — да, проиграли, но ведь не совсем уж и по-русски, а более всего по-советски, что не одно и то же, да и снова же выиграем — разве не так?

У России сейчас великий шанс выйти к России [6, 7]! К какой же России? Разумеется, не к фольклорной («лапотной»), не к общинно-деревенской, не к дворянской и вообще не к сословной, не к византийской (как бы «православной»), не к сталинской (вроде бы социалистической), не к либерально-глобализационной (будто бы европейской). Ответ тут прост: *российской (русско-российской)*! Той самой, которая получится из движения к себе самой — как итог *общенационального*

социохозяйственного творчества! При соответствующей политике властного управляющего центра и адекватной ей деятельности элиты. Тут не возврат к прошлому, а движение к новому — к *Новой России*, но все-таки в ходе большого и разностороннего самодвижения, в котором как раз все потребное и рождается. Задача очень не простая, но... выполнимая, в особенности ежели без догм, «бесспорных примеров» и придуманных ученых конструкций и алгоритмов. Не без тех или иных ограничений, как и не без суетной активности уводящих в сторону от подъема сил. Но зато с добротной мобилизацией всех пророссийских сил!

Если верховная власть это поймет и всем этим всерьез займется, то можно вполне обойтись без «украинизмов», без больших гражданских коллизий, без разрушений. Есть ли у России подобный шанс? Шанс всегда есть, как он был, к примеру, в 1970-е годы — выйти на новое бытие огромной и прекрасной страны-мира. А потому не ныть сегодня надо, не роптать, а за дело всем браться. Вот, собственно, и все! ■

ПЭС 14158/12.01.2015

Литература

1. Осипов Ю.М. Русский вопрос // *Философия хозяйства*. 2014. № 3.
2. Осипов Ю.М. Апокалиптика как реальность и как учение // *Философия хозяйства*. 2014. № 5.
3. Осипов Ю.М. Постигание России. М.: Экономистъ. 2005. С. 24.
4. Осипов Ю.М. Русская имперскость // *Философия хозяйств*. 2003. № 5.
5. Осипов Ю.М. Кризис мира и мир кризиса // *Философия хозяйства*. 2014. № 5.
6. Осипов Ю.М. Россия и мир: время перемен // *Философия хозяйства*. 2014. № 5.
7. Осипов Ю.М. Российский антикризис как насущная актуальность (семь значимых тезисов) // *Философия хозяйства*. 2014. № 6.

